

A stylized illustration of a planet with a ring, set against a purple background. The planet is a large, light purple circle with a darker purple ring around it. To the left of the planet is a smaller, light purple circle. Three four-pointed stars are scattered around the planet: one at the top left, one at the top right, and one at the bottom left. A large, light purple circle is partially visible at the top of the image.

КИР БУЛЫЧЕВ

ПРЕДСКАЗАТЕЛЬ
ПРОШЛОГО

ИнтерГпол

Кир Булычев

Предсказатель прошлого

«ЭКСМО»

1994

Булычев К.

Предсказатель прошлого / К. Булычев — «Эксмо»,
1994 — (ИнтерГпол)

«Июль 2094 года на Вологодчине выдался неровным, скорее прохладным и дождливым, нежели жарким и сухим. Но немало случалось и теплых, солнечных дней. В один из таких дней Кора Орват, впервые за два года вырвавшаяся на родину в отпуск, лежала на траве на берегу лесной речки Гусь, подставив северному солнышку красивое обнаженное тело. Будучи человеком принципиальным, Кора считала, что загорать в купальнике нецелесообразно, так как загар ложится неравномерно...»

© Булычев К., 1994

© Эксмо, 1994

Кир Булычев

Предсказатель прошлого

Июль 2094 года на Вологодчине выдался неровным, скорее прохладным и дождливым, нежели жарким и сухим. Но немало случалось и теплых, солнечных дней.

В один из таких дней Кора Орват, впервые за два года вырвавшаяся на родину в отпуск, лежала на траве на берегу лесной речки Гусь, подставив северному солнышку красивое обнаженное тело. Будучи человеком принципиальным, Кора считала, что загорать в купальнике нецелесообразно, так как загар ложится неравномерно.

Деревня Пьяный Бор широко и вольно раскинулась по высокому берегу, дома в ней все как на подбор рублены из вековых сосен.

Вдоль берега медленно брело деревенское стадо.

Пастушок Вася, присланный родителями в деревню, чтобы побаловаться парным молочком, увидел лежащую в траве Кору и, подойдя к ней, спросил:

– Не холодно, Кора Игнатьевна?

– Мне приходилось лежать и на льду, – отрезала Кора, которая не терпела назойливости. Она перевернулась на живот и стала рассматривать божью коровку, ползущую вверх по травинке, а травинка все гнулась да гнулась, пока божья коровка не упала на землю. Ей бы отыскать для восхождения травинку покрепче, а то и куст, но божья коровка, подобно человеку, снова полезла по той же самой травинке.

– Кора Игнатьевна, – спросил пастушок Витя, – а вы на Луне были?

– Была.

– А на Марсе были?

– И на Марсе была.

– А в Галактический центр летали?

– Летала.

Божья коровка уже добралась до середины травинки. Кора стала придерживать кончик травинки, чтобы она не согнулась. Ей было интересно узнать, какова конечная цель божьей коровки.

– А я в Галактический центр не летал, – сообщил Витя. – У вас на попке комар сидит.

Кора отпустила травинку, хлопнула себя, комар улетел, а божья коровка упала на землю. Кора поняла, что ненавидит пастушка.

– Кора Игнатьевна, а правда, что вы сыщик? – спросил мальчик.

Кора не ответила. Она снова придерживала конец травинки.

– Я думаю, что это правда, – сказал Витя. – Можно я вас шлепну, чтобы комара убить?

Кора поняла, что готова сдаться.

– Бей! – разрешила она.

Важнее было узнать, чего же хочет божья коровка.

Витя размахнулся и с удовольствием шлепнул молодую женщину.

– Убил? – спросила Кора.

– Пятно осталось, – сказал Витя.

Божья коровка доползла до конца травинки, подумала немного – то ли продолжить путешествие по пальцу Кору, то ли вернуться обратно. Потом, видно, вспомнила и, оттолкнувшись от травинки, упала на землю. Перехитрила Кору.

– А правда, что вы агент номер три ИнтерГалактической полиции?

Божья коровка подошла к травинке и возобновила восхождение.

– И у вас наградной бластер с автографом президента Федерации?

– Иди, мальчик, иди, – сказала Кора. – Слишком любопытные пастухи долго не живут.

– А сколько они живут? – спросил Витя, но пошел прочь за коровами.
Ему было шесть лет, и жизнь только начиналась.

Кора Орват уже потеряла четыре тела, и пятое, выращенное из ее собственных, хранившихся в Первом отделе клеток, было совсем новым, а так как было материализовано лишь неделю назад, то еще совсем не загорело.

– Кора! – послышался от крайней избы голос бабушки Насти. – Куда ты запропастилась, противная девчонка? Немедленно обедать! Суп стынет.

Кора улыбнулась. Она так стосковалась по родному бабушкиному голосу! Жизнь пролетает в трудах и опасных приключениях.

Кора поднялась, накинула легкий плащ и побежала вверх по склону.

Баба Настя, отлично сохранившаяся стройная женщина семидесяти трех лет, без единого седого волоса, все зубы на месте, морщины – только в уголках глаз, уже накрыла на стол. Теперь она хлопотала у печки, доставая оттуда горшочек с борщом.

По комнате расходился сказочный аромат.

Кора забежала на минутку в туалетный блок, привела себя в порядок, затем зашла в свою спальню и мгновенно переоделась к обеду. Деревенская жизнь деревенской жизнью, но опускаться нельзя! Тем более если вспомнить, что фамилия Орват относится к старой шляхте из великопольского селения Кживда, а старая польская шляхта всегда переодевается к обеду.

Переодеваясь, Кора с любовью поглядела на портрет своего прапрадедушки Бронислава, активного участника польского восстания 1863 года, сосланного за это в российскую глухомань – деревню Пьяный Бор Великогуслярского уезда Вологодской губернии. Здесь пан Бронислав женился на русской девушке Параше, народил детей и прожил сто три года. На портрете кисти великого Выспанского бригадный генерал Орват был изображен в пике карьеры – на голове уланская рогатувка, усы достают до ушей, взгляд орлиный, ладонь на гарде сабли.

– Ну и что нового на работе? – спросила бабушка, усаживаясь напротив внучки.

Из гуманных соображений бабушке ничего не говорили о настоящих занятиях Кору.

Считалось, что Кора трудится юрисконсультантом в Галактическом центре и потому ей приходится часто летать по делам в отдаленные районы Галактики.

– Мне так не хочется думать о работе, бабуся, – взмолилась Кора. – Дай мне насладиться беззаботной жизнью!

– Может быть, тебе лучше построить новую семью? – спросила бабушка, избрав другую линию нападения. – Остепенишься, заведешь детей, я буду с ними гулять...

– Одного раза достаточно! – отрезала внучка.

Первый брак Кору был неудачен, и она не любила о нем вспоминать.

Бабушка не стала настаивать. Она любовалась внучкой и думала о том, что профессия юрисконсульта очень опасна для такой нежной девушки, как ее Кора. Как жаль, что Кора не стала литературоведом или математиком!

Нежное солнце проникало на веранду старого деревенского дома, нахальная оса кружилась над сахарницей, слышно было, как квохчут куры, как замычала на лугу корова и соловей в роще запел было песню, да спохватился, что день в полном разгаре, рано еще петь...

Кора была одета в простой, правда, сшитый в Париже сарафан, синий, в мелкий белый горошек, непослушные золотые волосы сдерживала голубая лента, узкое серебряное колечко с рубином было единственным ее украшением.

«Такая нежная красавица – моя внучка, – думала бабушка Настя. – И как ей не повезло. Неужели она так и не отыщет себе достойного спутника жизни?»

«Чудесно, – думала Кора, – чудесно получить передышку, не чуют близкого дыхания преследующей смерти, не ощущать тягучего запаха крови, не слышать, как визжат электронные стрелы и лязгают пули о бронежилеты. Да, пожалуй, зря я не стала математиком или энто-

мологом – почему бы мне не изменить жизнь? Ведь еще столько бабочек не описано и не изучено во Вселенной...»

– Бабушка, – спросила Кора, – как ты относишься к энтомологии?

– Прекрасно! – воскликнула бабушка, которая угадала, что в головке ее любимой внучки проносятся мысли о перемене специальности.

Малиновки мелодично перекликались в листве груш и яблонь. От реки доносился голос пастушка Вити, который звал коров перейти в прохладу леса.

– Та-та-та-та, – мелодичным пулеметом заверещал видеофон.

Кора глубоко вздохнула и пожалела о том, что не успела сбежать в энтомологию. И, судя по тембру видеофонного звонка, в ближайшие недели ей этого не сделать.

Не вставая из-за стола, Кора щелкнула пальцами, включая связь. На экране видеофона возникло мужественное загорелое лицо немолодого седовласого человека с ярко-голубыми смеющимися глазами и резко очерченными полными губами.

У бабушки дрогнуло сердце. Неважно, что этот человек кажется немолодым, – но какое благородство, какой мужественный облик! Пожалуй, такого мужа она пожелала бы своей красавице.

– Бабуля, – взмолилась Кора, – скажи, что меня нет дома.

Баба Настя никак не могла собраться с силами соврать в лицо такому человеку и, конечно же, упустила драгоценное время.

– Не трудитесь, Анастасия Тадеушевна, – сказал пожилой герой, – в вашем возрасте пора думать о боге, а не лгать первому встречному. Ваша внучка сидит справа от вас, и сейчас я ее вижу.

В этот момент аппарат видеофона быстро повернулся так, чтобы Кора попала в поле зрения мужчины, чего видеофон никогда раньше не делал.

– Здравствуй, Кора, здравствуй, птичка, – произнес мужчина, с трудом удерживаясь от смеха.

– Ах, это вы, господин юрисконсульт! – воскликнула Кора, не делая попытки подняться. – Что заставило вас прервать свой послеобеденный отдых? Неужели в нашей конторе случилось нечто ужасное? Неужели кому-то надо мчаться в Антарктиду и подписывать доверенности?

– Ты права, Кора, – ответил юрисконсульт. – Тебе придется прервать отпуск и слетать на пару дней в Антарктиду.

– Ну уж позвольте! – разобиделась баба Настя. – Какая еще Антарктида? Девочка только начала отдыхать. Лица на ней нет! Я буду жаловаться. И вас, милостивый господин, выгонят с работы.

– Я жалею обо всем больше вас, – признался юрисконсульт. – Но у вашей девочки замечательный почерк. Ей предстоит создать ряд документов. И прошу вас – не сердитесь! Клянусь, что Кора возвратится к вам и к вашим знаменитым борщам не более чем через три дня.

– Ладно, бабуся, – сказала Кора, поднимаясь со стула и целуя бабушку в щечку. – Я и на самом деле постараюсь поверить этому хамелеону, обманщику малолетних, извергу Милодару. Но если он меня снова обманет и я не вернусь сюда через три дня, то его внуки скоро увидят труп любимого дедушки.

– Не говори так, Кора, это нехорошо, – всполошилась баба Настя.

Но Кора не слышала ее, она уже прошла к себе в спальню, за три минуты собрала походную сумку, переделалась в дорожный комбинезон и укрепила на спине автономный движок.

Бабушка вышла на крылечко и воскликнула на прощанье:

– Ты борщ не доела!

– Поставь его в холодильник, – отозвалась Кора. Она спрыгнула с крыльца, пробежала, набирая скорость, мимо клумбы, мимо клубничных грядок, к открытой калитке... взлетела и взяла курс на Вологду.

* * *

Не спеша пролетая над густыми лесами, с таким трудом восстановленными после опустошений двадцатого века, любуясь извилами рек, очищенных от промышленных отходов, поглядывая на орлов и соколов, вновь заселивших небо, Кора размышляла о том, что бабушка, как всегда, права. Ну сколько можно отдавать всю себя мужскому делу – сколько можно быть полицейской ищейкой и пугалом для детишек на отдаленных коррумпированных планетах?

«Все! Решено! Я свободна!»

В ухе зазвенело – это Милодар поторавливал своего агента, дело, видно, было серьезным. Кора похлопала себя по уху, звон стал потише, но не смолк. Это ее встревожило.

Свою тревогу она высказала вскоре в кабинете комиссара Милодара, опустившись на лифте под ледяной километровой щит Антарктиды, где располагалась земная штаб-квартира ИнтерГпола.

– Скажи мне, Милодар, – сказала она голосом, будто впитавшим в себя вековой холод Антарктиды. – Когда меня возвращали в мое тело, что туда еще внедрили?

– Ничего, – ответил Милодар, широко улыбаясь.

Его голубые глаза лучезарно сверкали на загорелом лице, седые кудри ненавязчиво падали на лоб. Он не встал со своего места за широким столом, но поднял руку, приветствуя Кору.

– А что звенело? – спросила Кора, подходя к столу и опускаясь в кресло, которое послушно приняло форму ее тела. – Что во мне звенело?

– Это ребята из экспериментальной лаборатории баловались, – отмахнулся Милодар. – Никакого вреда для организма, так, легкий сигнал...

– Значит, так, – сказала Кора. – Прежде чем я продолжу этот разговор, попрошу вынуть из меня все звоночки, сигнализацию, руководящие указания и напоминания.

– Разумеется, – ответил Милодар, улыбаясь доброй улыбкой старшего брата. Но Кору этим не обманешь – она отлично знала, что Милодар, которого видели сотрудники ИнтерГпола и даже друзья (хотя у него, конечно же, не было друзей), был не более как удачной голограммой. Настоящий Милодар выглядел неизвестно как, скрывался неизвестно где, поэтому ни одно из покушений на него не увенчалось успехом. В Земном управлении, правда, сплетничали, что в истинном облике его видели только новые молодые жены – синхронные пловчихи, близнецы Джульетта и Макбетта.

– Разумеется, – повторил Милодар, – но учти, что разборка и сборка твоего тела займет чуть больше двух недель и на нем могут остаться шрамы.

– Спасибо, дружище, – ответила Кора, – потерплю до следующего тела.

– Ломать – не строить, – загадочно произнес шеф.

– Говорите, зачем вызвали из отпуска, – официальным тоном спросила Кора, рассматривая свои пальцы, – ногтям бы еще подрасти.

– Покой нам только снится, – ответил загадочным афоризмом шеф ИнтерГпола. – Я вот в отпуске четыре года не был.

– Ужасно! – согласилась с ним Кора.

– Любой бухгалтер волен поехать на Гавайские острова!

– Вот именно.

– А мы должны копаться в отбросах человечества.

– Так что же случилось? – повторила свой вопрос Кора.

– То, чего мы опасались. Убит Эгуадий Второй.

– Это еще где?

– Разумеется, ты вообще перестала читать газеты и смотреть новости. Может, ты не знаешь, где находится планета Нью-Гельвеция?

– Ума не приложу.

– Мне за тебя стыдно.

– Послушайте, Милодар, вы же посылаете меня к чертям на кулички, я месяцами не вижу ни одного разумного лица, а пашу на вас, как Микула Селянинович – богатырь из русского эпоса. Когда мне смотреть новости? Где мне их смотреть? В джунглях, под землей, в облаках? В вертепе?

– Кора, только без этого! Только без рук! – предупредил ее Милодар, вскакивая с кресла и отпрыгивая в угол. – Только без эмоций. Я сам тебе все объясню.

– Так-то лучше. – Кора уселась в кресло и перевела дух. Вспышки гнева обходились ей недешево. Новое тело к ним еще не привыкло и ответило приступом радикулита.

– Эгуадий Второй – законный правитель планеты Нью-Гельвеция, потомок славного рода Супремидов. Всеми возможными методами он боролся за мир и межпланетное сотрудничество. Он развивал у себя в империи экономику, экологию и искусства. Он пригласил с Земли ведущих специалистов в различных научных областях, и они были счастливы трудиться на благо его народа.

Говоря так, Милодар нажал на кнопку, и в дальнем конце комнаты на белом фоне возникло голографическое изображение высокого согбенного пожилого человека в старомодных очках и чуть потертом костюме. Человек обратил рассеянный взор к Коре, и губы его шевельнулись. Робкая улыбка озарила его некрасивое, но доброе лицо...

– Вот его и убили, – мрачно сказал Милодар, почесывая голографический живот.

– Бомба? – спросила Кора. Бомба была самым обычным орудием против диктаторов, императоров и демократически избранных президентов.

– Убит он был странно, – сказал Милодар. – Настолько странно, что мы вызвали тебя, а не обычного агента. Его пронзили двумя шампурами.

– Как так?

Милодар включил на экране новое изображение. На этот раз Кора увидела обнаженное желтоватое тело императора, лежащее на полу в пустом мрачном помещении. Лежал он навзничь, раскинув руки, и из его груди торчали рукоятки двух шампуров для приготовления шашлыка. На теле и на полу была видна запекшаяся кровь.

– Все равно я не понимаю, зачем было меня вызывать? У них на планете существует собственная полиция, которая наверняка этим уже занимается. И чем меньше мы будем совать носы в их дела, тем лучше для всех.

– Великолепно сказано! – Милодар щелкнул пальцами, и этот звук, соответственно усиленный, разнесся по его скромному дому. Не прошло и полминуты, как в кабинете возникла стройная как тростиночка фигурка одной из молодых жен Милодара – судя по доброй улыбке, скорее Джульетты, чем Макбетты. Нежную красоту ее лица чуть портила крупная прищепка для носа, которую Джульетта не снимала, как профессионал в синхронном плавании.

Милодар, уставший менять любовниц – киноактрис, манекенщиц и журналисток, – недавно женился на близнецах, десятиклассницах из Мариуполя Джульетте и Макбетте. Их мама руководила самодеятельным театром рыбацкой артели – отсюда и странный выбор имен. Странный, но не случайный. Вскоре обнаружилось, что славная, скромная, послушная Джульетта боготворит своего немолодого мужа, тогда как Макбетта уже трижды изменяла ему с прыгунами в воду и пыталась отравить шефа Галактической полиции жареными сморчками. Разумеется, лишь самые близкие друзья знали об этой трагедии Милодара. Среди них была и Кора.

– Ты Джульетта? – спросил Милодар у жены, которая расставляла на столике чашки.

– Джульетта, мой повелитель, – ответила та, потупясь и чуть гнуся из-за прищепки.

– Вроде Джульетта, – сказал Милодар, поднимаясь с кресла и делая шаг к молодой красавице.

Он указал на родинку на правой щеке молодой женщины и произнес:

– Знаешь, как я их различаю? У Джульетты родинка есть, а у Макбетты – нету.

Он дотронулся до родинки, жена резко отклонилась назад, но не успела – плохо наклеенная родинка упала на пол.

– О, проклятие! – воскликнул Милодар. – Мы были на волосок от смерти!

Макбетта, замаскированная под Джульетту, зловеще захохотала.

Милодар выхватил бластер и направил его на жену.

– Убью!

Кора наблюдала эту сцену с интересом, но без страха, потому что понимала: бластер у шефа тоже голографический.

– Убей, – согласилась юная женщина. – Я все равно буду тебя ненавидеть.

– Всегда? – спросил Милодар, и его голос дрогнул.

– Всегда, – ответила жена и отбросила в угол кофейник с отравленным напитком.

Милодар обхватил юную женщину за плечи и притянул к себе.

– Нет, никогда! – воскликнула Макбетта и выхватила тонкий стилет. Она попыталась вонзить стилет в голографического мужа, но клинок прошел сквозь его тело, не причинив Милодару вреда.

С плачем Макбетта убежала из комнаты.

– Позови Джульетту! – крикнул ей вслед Милодар.

Пока они ждали, когда Джульетта принесет новый кофе, Кора спросила:

– Зачем вам понадобились две жены?

– Ах, это случайность! – отмахнулся Милодар, которому надоело отвечать на этот вопрос.

– Никогда бы не завела двух мужей, – не сдавалась Кора.

– Я их увидел на вечере встречи старшеклассниц Мариуполя с героями-полицейскими...

И понял, что женюсь. Но на ком из них? Оказалось, что дилемма эта неразрешима. Хотя бы потому, что я не умел их различать и не знал, какую из них желаю больше. А потом я понял, что умру от ревности, допустив, что одна из них заключит в свои объятия другого мужчину... Да и сами девочки не хотели разлучаться...

– А потом?

– Потом? Оказалось, что я был прав. Одна из них обволокла меня трогательной нежностью, а вторая обожгла страстной ненавистью. И не знаю, что меня волнует больше. Тебе этого не понять...

– Каждая настоящая женщина, – возразила Кора, – может обеспечить мужику и любовь, и нежность, и ненависть по полной программе. Для этого нет нужды заводить гарем.

Вернулась Джульетта, поглядела на мужа, как кролик на очень красивого удава, и прогнусавила:

– Вы пока пейте, а я принесу тряпку и вытру за сестренкой.

– Не беспокойся, – сказал Милодар и дотронулся до ее щеки. Родинка сидела как влитая. Кофе был горячий, крепкий и душистый.

«У каждого человека, – подумала Кора, – есть в жизни свои сложности. И чем крупнее личность, тем драматичнее сложности. Сложности в жизни императора Нью-Гельвеции привели его к трагической гибели. Надо будет спросить...»

– На Нью-Гельвеции полигамия или моногамия? – спросила Кора.

Милодар ухмыльнулся, раскусив второй, подводный слой вопроса:

– Там моногамия. Обходятся одной женой. Воображение никуда не годится.

– Может, еще чего-нибудь желаете, мой господин? – спросила Джульетта.

– Иди, иди, отдыхай, – отослал ее прочь Милодар.

Потом обернулся к Коре.

– Но любит меня – с ума сойти! – задумчиво произнес он. – Нет, не эта, в этой огня нет. Я имею в виду Макбетту.

– Убьет она вас когда-нибудь.

– Обязательно убьет, – согласился шеф ИнтерГпола. – Я для этого в спальне запасное тело держу.

Они помолчали.

– Ты спросила меня, почему на Нью-Гельвеции не могут провести расследование силами местной полиции. Все очень просто. Они не хотят.

– Почему?

– Потому что власть захватил Дуагим. Племянник императора. Тебе это имя что-нибудь говорит?

– Что-то неприятное.

– Правильно. О нем у нас много писали, когда он организовал бандитское нападение на мирный лайнер «Миннесота» и перебил там видимо-невидимо пассажиров. Конечно, его вина так и не была доказана, но сомнений в том практически нет. Тогда Организация Объединенных Планет потребовала его выдачи для международного суда. Ему пришлось бежать и скрываться три года в горах.

– Откуда такая нелюбовь к Земле?

– Для нас это было загадкой, пока не удалось обнаружить в архивах, что двадцать лет назад он прилетал на Землю и пытался поступить в Московский архитектурный институт. На первом же экзамене ему досталось рисовать голову Сократа... И он провалился. К черчению его даже не допустили.

– Какой ужас!

– Не улыбайся. Порой войны начинались и из-за меньших поводов. В результате принц остался без высшего образования, возвратился домой и принялся расчищать себе дорогу к престолу, уничтожая наследников и претендентов. Из него получился реакционер, душитель свобод и развратник. Главное – монстр, ненавидящий все земное!

– В сущности, это их внутреннее дело, – возразила Кора. – В Галактике немало душителей свобод и деспотов. Вряд ли нам удастся навести в ней порядок.

– Ты права. Но беда в том, что на Нью-Гельвеции находится двести сорок земных специалистов, советников и торговцев. Все они стали заложниками Дуагима, который намерен отыгаться на них за все унижения своей юности, а главное – отвести от себя подозрения в том, что именно он стоит за убийством законного монарха.

– Как он может отыгаться на земных торговцах?

– Очень просто. Он уже официально объявил, что убийство императора Эгуадия – злодейский заговор Земли. Так что всех землян будут судить и наверняка признают виновными. Хочешь поглядеть на этого монстра?

– Покажи.

Милодар снова включил экран, и Кора могла полюбоваться портретом нового императора.

Император произвел на Кору неприятное впечатление. Рыжие курчавые волосы красным нимбом окружали пятнистую лысину, под низким лбом прятались шоколадные глазки, таились на подушках лиловых щек. Видно, император слишком любил поесть и ни в чем себя не ограничивал. Но самым неприятным Коре показался рот Дуагима – тонкая щелка, совсем без губ.

– Понравился? – спросил Милодар.

– Не понравился, – ответила Кора.

– Злобная скотина, – сказал Милодар. – У него есть своя охрана, она называется бригада исчезновения. Кто негоден Дуагиму – исчезает без следа.

– Приятная перспектива.

– Я не хотел бы, чтобы наши дипломаты и программисты, агрономы и певцы пропали таким образом. Конечно, потом мы этого Дуагима накажем. Но когда и насколько сильно, я не знаю. А раз так, то я не намерен отдавать ему землян.

– Значит, его полиция и не собирается искать убийцу?

– Нет. Уже назначен день суда над землянами. Исход его не вызывает сомнения. Все будут признаны виновными в заговоре с целью убийства императора суверенного государства и зверски казнены.

– Этого не может быть!

– Все формальности будут соблюдены. Найдутся и свидетели, и вещественные доказательства. А Дуагим войдет в историю своей планеты как борец за ее независимость.

– Неужели ничего нельзя сделать?

– Почти ничего. Мы можем только послать туда одного независимого детектива – этого удалось добиться через ООП, – и он за неделю должен убедиться, что Дуагим прав.

– Зачем же тогда лететь?

– Пока есть один шанс из миллиона, мы должны его использовать.

– Но нет даже одного шанса!

– Это будешь решать ты.

– Почему я?

– Потому что ты – никуда не годная дура, фаворитка твоего начальника, от которой не знают как отделаться.

– Я – ваша фаворитка?

– Не пронзай меня взором. В ИнтерГполе, сообразив, что это дело опасное и безнадежное, решили послать самое ненужное существо, которое на самом деле интересуется только драгоценными камешками, которыми славится Нью-Гельвеция. Не спорь! Информация такого рода уже просочилась сквозь секретные заслоны и унеслась на Нью-Гельвецию.

– Но зачем посылать меня... то есть идиотку?

– Это и есть наш шанс: если они не примут тебя всерьез, то у тебя будет возможность что-то узнать. Только один шанс...

– Вы сами в это верите?

– Я – профессионал. Мне поручили дело, я стараюсь сделать его достойно. Я посылаю моего лучшего агента, потому что это преступление – вызов для меня как детектива.

– Почему?

– Потому что убить императора Эгуадия было невозможно.

– Невозможного не бывает, – ответила Кора. – Если есть человек, значит, на него найдется убийца.

– Не перебивай старших! – От гнева Милодар весь затрясся, и пришлось подождать несколько секунд, прежде чем прекратились вибрации голографического изображения. Наконец он смог продолжить: – Эгуадий опасался покушений. Дело в том, что на Нью-Гельвеции за последние триста лет лишь один правитель умер своей смертью, неудачно свалившись с трона во время коронации. Так вот, Эгуадий решил стать исключением. Он обитал в замке за гранитными стенами и стальными дверьми.

– Это еще не гарантия от покушений.

Милодар ничего не ответил, но включил изображение величественной крепости. Крепость поднималась над пологим холмом, вокруг которого располагался город.

– В ночь на второе, – продолжал Милодар, – император, как всегда, заперся в правой верхней башне. В его спальне только одно окно. Находится оно в шестнадцати метрах от земли, забрано решеткой и бронированным стеклом. Дверь запирается изнутри. На финский замок и два засова из титановой стали. Вот в этой комнате утром второго июля был обнаружен его труп.

– Как это случилось?

– В семь тридцать император выходит из спальни и идет чистить зубы. В тот день он не вышел до восьми. В восемь десять был вызван начальник охраны и постучал в дверь. Никто не откликнулся.

– Дальше!

– Дальше с вершины башни на веревке спустился смельчак и заглянул в окошко. И увидел, что господин император лежит на полу возле своей постели, а из его окровавленной груди торчат рукоятки двух шампуров.

– И что они сделали?

– Они взорвали дверь серией направленных взрывов и обнаружили, что император мертв уже несколько часов.

Милодар щелкнул пальцами, вбежала Джульетта с бокалом водки и подставила щечку. Милодар проверил родинку и, убедившись, что его не отравят, вылил в себя напиток. Он был взволнован.

Коре он не предлагал, потому что она уже находилась при исполнении задания.

Закусив бананом, комиссар Милодар негромко заметил:

– Среди заточенных и ожидающих смерти землян есть женщины и дети.

– Я готова, – сказала Кора, поднимаясь с кресла.

– Ну вот, отработаешь – и снова к бабушке. Говорят, отличные борщи она готовит.

«Черт побери, – подумала Кора, – кто же работает на Милодара в нашей деревне?»

* * *

Подготовка к путешествию заняла у Кору сутки – все это время она учила тамошний язык и готовила себя к роли глупейшей сыщицы во Вселенной, получившей дело по протекции для того, чтобы благополучно его завалить.

Новый для Кору образ следовало придумать, создать и отшлифовать, потому что за ней будут неотступно следить сотни глаз и десятки стволов.

...Еще через несколько дней на космодроме Бернса – столицы планеты Нью-Гельвеция – небольшая группа людей ожидала маршрутный корабль из Галактического центра.

Под козырьком здания вокзала, скрываясь от холодного осеннего дождя, стояли представитель ООП, земной консул и заместитель начальника городской полиции.

Так как связь с Галактическим центром работала нормально, а слухи и сплетни, как всегда, обгоняли скорость света, то встречавшие уже знали, что на Шерлока Холмса надеяться не следует. Но реакция на новости у всех троих была различной.

Земной консул Нкомо, высокий и гибкий чернокожий дипломат в форменном золотистом цилиндре и расшитом золотом терракотовом мундире, был мрачен даже более, чем в последние дни. Если в первый момент по получении известия о прилете агента ИнтерГпола он воспылал было надеждой на спасение заложников дикого императора, то теперь эти надежды развеялись. Представитель ООП, зеленый человечек ростом чуть меньше метра, надеялся на то, что вся эта дикая история обойдется без крайних межпланетных эксцессов, – у него подрастали многочисленные дети, и не хотелось терять удобное место. Что же касается второго заместителя начальника городской полиции Аудия Реда, столь схожего с гончей собакой, что он получил прозвище от коллег Догони-подвинься, то он не скрывал предвкушения встречи со специалистом из ИнтерГпола. Он дергал за рукав господина Нкому и задавал ему странные вопросы:

– Говорят, шеф Милодар предпочитает рыженьких?

Встречающим пришлось томиться в ожидании довольно долго, но они уже не в первый раз встречались на этом поприще и потому привычно коротали время в буфете. К тому

моменту, когда наконец корабль приземлился и госпожа Кора Орват приблизилась к ним, они не только устали, но и находились в некотором подпитии.

Встречающие увидели шагающую по поролоновой дорожке молодую земную женщину, одетую как вызывающе, так и крайне скудно.

Наряд госпожи Орват состоял из серебряных сапог выше колен, некоторого количества страусовых перьев, которые крепились к телу широким ремнем, снабженным кобурой, а также кружевной накидки, едва скрывавшей от ветра и посторонних взоров ее плечи и грудь. На голове девицы красовалась форменная шляпа сыщика, но ни один из трех мужчин, даже крохотный ооповец, шляпу не заметил: сверкающие серебром безукоризненно прямые ноги сыщика, высокая грудь и тонкая талия куда более привлекли их внимание.

Кора же увидела, как высокий негр, зеленый человечек и одетый в пышный мундир и фуражку человек с собачьей мордой и нафабренными усами дружно шагнули ей навстречу. Она догадалась, что эти люди ее встречают.

– Здравствуйте, господа, – пропела она ласково, – я – Кора Орват, сыщик по особым поручениям.

– Мы ждем вас, – первым заявил зеленый человечек, запрокинув головку. – Мы надеемся, что ваше появление разрешит наши проблемы.

– Судьба заложников в ваших руках, – мрачно заявил высокий негр.

– Номер в гостинице ждет вас, – ухмыльнулся Аудий Ред, – ванна исходит благовонным паром, но мы предлагаем сначала пропустить с нами по рюмочке чудесного вина. Это займет полчаса, но вы приедете в гостиницу совсем другим человеком.

– Ах, что вы, что вы! – возмутилась Кора. – Я приехала трудиться! Что скажет шеф Милодар, если он узнает, что я распивала с вами спиртные напитки?

– Он не узнает! – твердо ответил полковник полиции.

– Ах, узнает! – уверенно ответила Кора, которая в том не сомневалась, но тут на нее нашел приступ хохота, и она проследовала за Аудием Редом и его спутниками в бар для особо важных пассажиров, к каковым она относилась. – Что-то у вас жарко, офицер! – сообщила она Аудию Реду и, вырвав страусиное перо из своей юбочки, воткнула его за ремешок полицейской шляпы, что придало полковнику легкомысленный вид.

Усевшись в прохладном, пустынном и полутемном баре, они заказали местную грибную наливку – очень полезную, как полагают, от гастрита. Коре первый бокал понравился. Гриб был кисловат, слегка горчил, и от него сразу же запело, закружилось в голове. Лица сидевших с ней за столиком слегка поплыли и показались такими милыми, добрыми, что Кора встревожилась и постаралась взять себя в руки.

– Это ужасное преступление, – говорил зеленый карлик в зеленом же комбинезоне, отчего казался голеньким. Он покачивал лысой головкой и сокрушенно повторял: – Главное – не совершать непоправимой ошибки!

– Народ скорбит! – отрезал пес с напыженными усами, уставившись белесыми рыбьими глазами в разрез кружевной накидки и елозя под столом сапогом в надежде дотянуться до ножки сыщика. Но ему все попадались мужские ноги, что раздражало его соседей. Хотя возмутиться вслух они почему-то не смели.

– Мы так надеялись на помощь Земли, – скорбно сказал высокий худой негр, – но нам никто не поможет. Люди могут погибнуть.

Весь его вид говорил о том, что надежды на помощь Земли рухнули именно в тот момент, когда он увидел Кору Орват.

– Люди не погибнут, – пролаял полицейский начальник с белесыми глазами. – Свершится суровая месть нашего народа в адрес подлых убийц.

Говорил он очень громко, и Кора предположила, что это делается для внимательных ушей согладатаев, которые как сонные мухи бесшумно кружили вокруг стола, – Кора сразу их вычислила. Впрочем, в пустом баре это было нетрудно сделать.

Неожиданно Кора Орват захихикала и наклонилась вперед, чтобы полковнику Аудию Реду было удобнее ознакомиться со строением ее бюста.

– Вы же их не убьете, – прошептала она, протянув тонкий пальчик и дотронувшись им до скользкого вспотевшего носа полицейского. – Вы же их пожалеете, мой цыпленок.

Негр не скрывал своего отвращения при виде этой сцены, зеленый человечек из ООП отвернулся, как будто в поисках официанта.

Полицейский разлил грибной напиток по бокалам и, когда остальные стали отнекиваться, строго приказал:

– За здоровье его величества императора Дуагима! Прошу всех встать.

Все встали. Выпили. Кору пошатнуло, и негр поддержал ее под локоток.

– Ах, – сказала Кора заплетающимся языком, – вы такой сексуальный.

– Продолжим нашу радостную беседу, – сказал Аудий Ред, вытащив зеркальце и проверяя, горизонтально ли расположены его усы. – В честь первой, но не последней встречи.

– Расскажите мне, расскажите, – умоляла Кора. – Я хочу знать, как все произошло! Это так увлекательно!

– Зачем тебе, красавица?

– Я не красавица, – поправила его Кора, – я привлекательная женщина, но очень строгого поведения. Предупреждаю – очень строгого. Да перестань ты топтать мою ногу сапогом!

– Это не я, – нагло сказал полковник. – Это паршивый Нкомо, такой же насильник, как все черномазые земляне.

– Простите, – сказал Нкомо и поднялся из-за стола. – Я не намерен более подвергаться оскорблениям.

– А ты не подвергайся, – ухмыльнулся полковник. – Иди откуда пришел. Вонючка проклятая! То-то я вижу – вот-вот кинется на женщину.

– Ах, ну зачем же так, – с трудом проговорила Кора. Грибной напиток оказался дьявольски хмельным. – Господин Нкомо не имеет намерения... намерения, хотя я не возражаю, можно сказать, мы поехали... – И она попыталась подняться и тут же села, потому что ноги ее не держали.

– Я не намерен поддаваться на ваши провокации, – сказал Нкомо. – И учтите, что вы нарушаете законы гостеприимства и дипломатического этикета на глазах у свидетелей.

– Это кто здесь свидетели? – зарычал полковник. Его лицо побагровело, а уши приняли вишневый цвет. – Вы забыли, кто я такой?

– А кто вы такой? – спросила Кора.

– Я командир взвода бригады исчезновения! Не нужен нам свидетель: гоп-доп – и исчез. Вот полюблю тебя, моя цыпочка, ты и исчезнешь!

– Ой, как интересно. Только давайте исчезнем вместе! – взмолилась Кора. – Я хочу исчезнуть вместе с вами.

И для того чтобы ее желание не показалось пустым, она буквально повисла на полковнике, не сводя с него восхищенных глаз.

– погоди! – Полковник оттолкнул девушку, и та рухнула в кресло. Грибной ликер действовал все сильнее. – погоди, я сначала разделаюсь с этим дипломатом!

Он пошел быком на Нкомо, который отступал к стене. Тени осведомителей в предчувствии боя растворились в углах бара, бармен, согнувшись, убежал в маленькую дверь.

– Господин полковник! – пискнул зеленый человечек. – Остановитесь! Я вас прошу!

– Ты молчи, а то и тебя ликвидирую. Неужели ты не видишь, что меня опоили недоброкачественным грибным ликером и теперь я не отвечаю за свои действия?!

С этими словами полковник вытащил из кобуры пистолет.

Нкомо испугался – даже в полумраке видно было, что его кожа стала серой.

– Ах, полковник-полковник, – неуверенно поднимаясь со стула, произнесла Кора... И тут случился конфуз: она двигалась так неловко, что рухнула на Аудия Реда, в ужасе заверещала, страусовые перья полетели в разные стороны, обнажив совсем уж укромные части ее прекрасного тела, кружевная накидка разорвалась, рука полковника под неожиданным напором женского тела дернулась вниз, пистолет палил, пока не кончились заряды, прострелив в баре пол, оттяпав полковнику три пальца на правой ноге, разворотив всю мебель и перебив половину бутылок в баре.

Грохот, шум, писк, звон, рев стояли такие, что соглядатаи разлетелись из бара, словно птицы из гнезда.

Нкомо выскочил на улицу, ударился о столб, и на его лице возникла длинная шишка от лба до подбородка. Представитель Организации Объединенных Планет, который в стрессовые моменты приобретал способность летать, воспользовался этим и улетел на вершину гигантского дерева гренго, с которого его только на следующий день смогли снять вертолетом.

Покрутившись на месте от боли и растерянности, полковник Аудий Ред рухнул в глубокий обморок, и вот тогда из дверей бара на улицу, где стояла толпа зевак, привлеченных грохотом и криками, вышла, моргая длинными ресницами, одетая лишь в широкий пояс с кобурой прекрасная женщина, сыщик ИнтерГпола Кора Орват, и воскликнула:

– Ах, как они меня напоили!

С этими словами она лишилась чувств и упала на услужливо подставленные ладони подбежавших зрителей.

А проснулась она лишь через несколько часов в палате центральной больницы, где ее уже обследовали и обнаружили, что, за исключением опьянения, других болезней и травм у нее не наблюдается.

* * *

Кора очнулась куда раньше, чем о том сообщили медикам приборы и собственные глаза. Не зря же она училась в высшей школе спецслужб ИнтерГпола...

Она лежала, полностью расслабившись и посылая на датчики, которыми была опутана, сигналы спокойного глубокого сна. В то же время она подытоживала результаты первых часов пребывания во вражеском лагере.

Полковник Аудий Ред вел себя нагло. Спокойно нарушая нормы протокола. Он даже намеревался на ее глазах убить земного консула. Это можно было объяснить лишь тем, что гельвецийское правительство было полностью уверено в исходе суда. Тогда смерть дипломата можно будет списать на спонтанный гнев народа. Впрочем, могло быть и другое объяснение: на всякий случай полковнику было велено нейтрализовать земного сыщика. Сначала он эту дамочку напоил, а потом в ее присутствии решил убить или ранить консула – а там доказывай, кто это сделал. Вернее всего, зелененький представитель ООП – свидетель ненадежный и более всего беспокоится о собственной безопасности. Впрочем, останемся в пределах известных нам фактов: местный полицейский чин пытался открыть стрельбу в космопорте, предварительно запугивая инопланетян, отчего сам и пострадал. Впрочем, продолжения истории Кора предугадать не могла и потому открыла глаза и жалким шепотом произнесла:

– Пить...

Ее взору предстала картина необычная, и потому прошло несколько секунд, прежде чем Кора смогла осознать значение того или иного человека и предмета.

Это неудивительно, потому что пока Кора пребывала в космопорте и угощалась грибным ликером, ее окружала та безликая, стандартная, повторяющаяся в сотнях космопортов и вок-

залов Вселенной картина, при взгляде на которую не догадаешься, попал ли ты на Пересадку, на спутник Альдебарана, или прилетел на Марс.

Сейчас же Кора очнулась в обыкновенной гельвецийской больнице, не очень чистой по нашим стандартам, тесной и построенной, видно, лет сто назад, когда основным материалом был плохого качества кирпич, а штукатурка использовалась лишь в богатых домах.

Разглядывая темно-серые стены и желтый сводчатый потолок палаты, Кора старалась вспомнить соответствующие статьи энциклопедии, которую пролистала в день отлета, и, проведя мысленное сравнение со статьей, сделать правильный вывод.

Вот женщина. В длинном, до земли, синем платье с вышитым бисером воротником. На ней странный головной убор, напоминающий черный гробик. Кора вспомнила: женщина эта – сестра милосердия, обязанности таких сестер заключались в уходе за больными и подыскании им достойного гробовщика, о чем и напоминал головной убор.

Женщина протянула Коре поилку и поддержала ей голову, чтобы удобнее напиться.

Пока Кора пила, она смогла внимательно разглядеть еще двух действующих лиц этой сцены: в ногах койки стояли рядышком два страшного вида молодца. Один молодой и тонкий, второй старый и коренастый, у первого усы черные и торчащие, у второго – седые, обвислые. В остальном они были схожи: одинаковые лиловые камзолы, красные шаровары, сверкающие ботфорты. На головах белые шляпы с черными перьями. Это, поняла Кора, заботники. Заботники о народе. Их назначение было понятно из двух маленьких топориков, вышитых у каждого на груди камзола. Топорики символизировали всегдашнюю готовность заботников вырубить любые заросли сорняков, мешающих процветать любимому народу. Если надо, мрачно шутили в империи, они вырубят и сам народ ради его же блага.

Увидев, что Кора проснулась, заботники одинаково улыбнулись и помахали ей руками, словно оставались на перроне, а она смотрела на них из окна уходящего поезда.

Кора пила, изображая страх и растерянность.

– Где я? – спросила она.

– Не беспокойтесь, госпожа, – сказала сестра милосердия. – Вы в больнице Благополучной кончины.

– При-вет! – воскликнул старший заботник.

– Ку-ку! – откликнулся младший заботник.

– Мы счастливы, – сказал старший заботник, – что видим тебя живой и в одном куске.

– Я хочу знать, что со мной! Я ранена? Я умираю? Почему нет врача?

– Врача вам не положено, – ответила сестра милосердия. – Рано еще.

Кора прикусила язык. Память подвела ее. Конечно же, врач на Нью-Гельвеции – эвфемизм, то есть приличное слово, которое на самом деле означает «гробовщик».

– А мы здесь, – сказал младший заботник.

Он стащил с бритой головы шляпу и стал обмахиваться.

– Мы ждем признания, – сказал старший заботник.

– В чем? – спросила Кора.

– В преступлении.

– В каком?

– Ну вот, – рассердился старший заботник. – Она безобразно напилась в космопорте, хулиганила, била посуду, затем напала на полковника полиции Аудия Реда, избивала и искалечила его. Да знаете ли вы, что он из-за вас лишился трех пальцев на ноге?

– Какой ужас! Как он теперь будет стрелять!

– Вы не поняли, мадам, – на ноге!

– Ах да, конечно! У меня такое помутнение сознания... Но вы продолжайте, продолжайте говорить! Я отрезала кому-то пальцы?

– Совершив нападение, вы пытались скрыться с места преступления, – сообщил старший заботник.

– Молодец! – похвалила себя Кора. – Но мне это не удалось?

– Не удалось, – ответил старший. Он был недоволен, словно допрос складывался вовсе не так, как он того желал.

– Кто ваши сообщники? – лукаво спросил младший заботник. – Консул Нкомо? Правильно я угадал? Представитель ООП? Зелененький такой... Ну?

– Дайте-ка мне мою кобуру, – попросила Кора слабым голосом, проводя ладонями по бедрам.

– Не отвлекайтесь, – оборвал ее старший. Он отвернулся, потому что в процессе поиска кобуры Кора скинула с себя простыню и оказалась совершенно обнаженной.

– Не нужно вам кобуры, – сказал младший заботник, который не отвернулся, а, наоборот, впился взглядом в прелести Кору.

– Куда я попала? – капризным голосом произнесла Кора. – Я буду жаловаться! Сначала меня пытаются споить, затем на меня нападают, а теперь грабят. А ну, отдайте кобуру!

– Зачем вам кобура? – спросил младший. – Мы же пристрелим вас раньше, чем вы успеете вытащить свой пистолет.

– Давайте договоримся, – подобрел старший. – Вы нам во всем признаетесь, а мы потом дадим вам кобуру. Хорошо?

Он наклонился вперед и бережно накиннул на Кору простыню.

– Только честно? – спросила Кора.

– Честно! – поклялся старший.

– Тогда я вам честно скажу: я прибыла сюда для выполнения сложного и ответственного поручения ИнтерГпола. К сожалению, вам я не могу рассказать об этом, это тайна.

Заботники понимающе улыбнулись.

– На космодроме меня встретил этот... насильник! С усами, похожий на собаку.

– Полковник Аудий Ред, – подсказал заботник.

– Вот именно. Встретил, затащил в бар и напоил каким-то наркотиком.

– Грибным ликером, – подсказал старший, обнаружив большую осведомленность. – Но не исключено, что это вы его напоили.

– А потом он начал хватать меня за коленки, вы представляете?

Кора вновь откинула простыню и доверчиво показала заботникам, за какие коленки ее хватал полковник.

Младший заботник шумно сглотнул слюну, но старший снова закрыл Кору простыней и произнес:

– Продолжайте, прошу вас.

– А чего продолжать! Дальше я была пьяна и плохо помню. Помню только, что этот полковник вытащил свою пушку и решил всех нас убить.

– Кого «всех нас»? – насторожился молодчик.

– Представителя ООП, такого зелененького, потом земного консула и, конечно же, меня, потому что я не давала ему хватать меня за коленки. Он так и кричал: «Всех перестреляю!»

– Очень интересно, – сказал молодчик. – И что же дальше произошло?

– А что дальше – хоть убейте не помню. Наверно, я упала и лишилась сознания. Меня еще никогда так не травили. Вы понимаете, что я теперь буду вынуждена подать в суд на полковника? А сейчас принесите мою кобуру, умоляю вас.

Заботники переглянулись. Они были в растерянности.

Из этой растерянности их вывел негромкий, но весьма внушительный голос, прозвучавший из-под потолка, точнее – из вентиляционной решетки:

– Верните ей кобуру.

Заботники вскочили и низко поклонились голосу.

Затем один из них кинулся к двери и через несколько секунд вернулся с кобурой Кору, так и не снятой с ремня. Чуть дрогнувшей рукой он протянул кобуру владелице.

– Спасибо, – сказала Кора и расстегнула кобуру.

Заботники и медсестра невольно присели.

Из кобуры высыпалось несколько пачек жевательной резинки в ярких обертках.

– Угощайтесь, – сказала Кора и развернула одну из жвачек.

Никто не воспользовался ее приглашением.

– Тогда вы все свободны, – сказала Кора. – Можете идти.

После короткой паузы, в течение которой заботники глядели на потолок, откуда доносилось лишь мерное дыхание, все посторонние вышли из палаты.

Кора задумчиво жевала резинку.

Когда дверь за последним заботником закрылась, она спросила, ни к кому не обращаясь:

– А вы-то небось знали, что у меня лежит в кобуре?

– Конечно, знал, – ответил голос. И рассмеялся. – А ты, я вижу, соображаешь.

– При моей безумной красоте мне без этого совершенно невозможно, – призналась

Кора. – Приходится хитрить. Иначе стану игрушкой низменных мужских страстей.

– Ты зачем три пальца на ноге моему верному полковнику Аудию отстрелила?

– Это он сам отстрелил, – резко ответила Кора. – Не навешивайте на меня всякую чепуху.

– Может быть, может быть... – не стал спорить голос.

– А спаивать женщину паршивым грибным бульоном нечестно, – заметила Кора.

– Этого я ему не приказывал. Это его личная инициатива.

– Раз так, то сам виноват, – согласилась Кора. – Я сейчас буду вставать и одеваться. Вы как, отвернетесь или пойдете по своим делам?

– У меня много неотложных дел, – не сразу отозвался голос. – Так что увидимся у меня завтра утром. А сейчас я советую тебе, Кора, отдыхать – уже вечер, а у тебя был трудный день.

Раздался щелчок. В палате наступила гробовая тишина.

Кора развернула и кинула в рот еще одну жвачку.

Потом нажала на кнопку.

Тут же подбежала сестра милосердия.

– Я переезжаю в гостиницу, – сообщила Кора. – Где мой багаж?

– Ваш багаж уже в гостинице. Машина у подъезда, – сообщила сестра.

– Тогда я пошла!

– Подождите, я принесу вам халат! – крикнула перепуганная сестра.

– Хорошо, подожду, – сказала Кора и отвернулась, чтобы скрыть невольную улыбку.

Первый разговор с императором Дуагимом ее удовлетворил.

* * *

В девять часов следующего утра выспавшаяся, свежая, розовощекая Кора вошла в кабинет императора Нью-Гельвеции Дуагима Первого.

Была она одета легко, но просто – в тот самый сарафанчик, в котором она так недавно гуляла по полям в родной вологодской деревне. Правда, на шее красовалось скромное и бешено дорогое сапфировое ожерелье, и маленькая сапфировая же диадема скрывалась в пышных золотистых волосах.

Император уже ждал ее. Поднявшись из-за стола, он направился строевым шагом навстречу гостье.

– Кора! – воскликнул обладатель вчерашнего бесплотного голоса с фамильярностью, которая даже императорам дозволена лишь по отношению к старым знакомым. – Я мечтал увидеть тебя наяву.

– Ну и как? – спросила Кора, поворачиваясь и покачивая бедрами, чтобы император мог оценить ее фигуру.

– Чудесно, чудесно, высший класс!

Император был точно такой же, как на голограмме у Милодара: рыжий, коренастый, низколобый, краснощекий и пузатый. Он был одет в странную для земного глаза смесь одежд разных эпох. В его туалете уживались галстук-бабочка и пышное кружевное жабо, расширенные золотом шаровары и синий фрак, рукава которого заканчивались желтыми отворотами. В общем, император являл собой пирата, рожденного воображением пятилетнего ребенка.

Под стать хозяину была и обстановка кабинета, увешанного гобеленами на военные темы, с высоким потолком, расписанным сценой средневекового сражения. Пол был выложен небольшими зеркалами, в щелях между которыми почему-то торчали пучки высохшей травы. На письменном столе были свалены кипы бумаг, некоторые из них пожелтели, видно, о них забыли еще за много лет до кончины предыдущего императора.

Возле стола стояли друг против друга два кресла с вышитыми спинками. Вышивка изображала перекрещенные топоры, знакомый уже Коре символ заботников.

– Садись, – сказал император, откровенно любуясь Корой. – В ногах правды нет, а нам надо с тобой серьезно поговорить.

– Меня всегда возмущала эта формулировка, – возразила Кора. – Мне кажется, что в моих ногах и заключена вся правда жизни.

– Жизни и смерти, – согласился император. – Когда я доберусь до твоих ног всерьез, мы все с тобой испытаем.

– Ой, ну что же вы говорите! – ахнула Кора. – Ведь я же на службе!

– От этого твои ноги не стали короче, – засмеялся Дуагим.

– Спасибо за комплимент, я его не заслужила, – сказала Кора и уселась в низкое мягкое кресло.

Император опустился в кресло напротив и доверительно сообщил Коре:

– В ближайшие дни собираюсь переделать кабинет. В нем будет только одно мягкое кресло. Для меня самого. Остальные должны стоять. Идея моя понятна?

– Понятна, ваше величество, – сказала Кора. – Может, я постою?

Она попыталась было подняться из кресла, но император властным жестом остановил ее.

– Тебя это не касается, – сказал он.

Он спокойно и довольно нагло разглядывал Кору, так что ей стало неловко и захотелось закрыться чадрой, закутаться в монашескую рясу.

– Значит, ты – агент ИнтерПола, – сказал он наконец. – Да ты не красней, не красней. Я люблю людям в душу заглядывать.

– Я не краснею, – сказала Кора.

– Я спросил: ты агент?

– Да.

– Почему же тебя послали? Чем ты лучше других?

– Господин Милодар сказал, что дело деликатное, поэтому и послали меня.

– Значит, тебя используют для деликатных дел? Очень приятно. Но не совсем понятно. Но мы разберемся. А сначала скажи: чем я могу быть тебе полезен?

– Вряд ли вы сможете быть мне полезны, – сказала Кора, разглядывая наклеенные жемчужные ногти. – Обычно я использую более привлекательных мужчин.

Император громко захохотал, будто в жизни не слышал ничего забавнее, но смех был деланным.

– Ты неумна, – сказал он.

– Мне об этом многие говорили, – сказала Кора. – Это, так сказать, мой фирменный знак.

Глупая Кора из ИнтерГпола.

– Ни один дурак не признает себя глупым, – заметил император.

– Я – исключение. Люди думают: такая красивая, а такая глупая. И расслабляются.

– А на самом деле расслабляться не стоит? – Император был доволен, он ценил шутки.

Он уловил в Коре самодовольство – оказывается, можно гордиться собственной глупостью, играя в нее и балансируя на краю правды.

– Со мной лучше никогда не расслабляться, – серьезно ответила Кора. – А то чуть что – и глаза нет! – Она выставила вперед жемчужные ногти. Они замерли в сантиметре от лица императора.

Тот отшатнулся и выругался – испугался.

– Стыдно, – сказала Кора.

– Я так и подумал, – сказал император, – что Милодар не настолько глуп, чтобы посылать ко мне откровенную идиотку, – он ведь игрок и не теряет надежды выручить землян. Но это пустая надежда, потому что мне нужна их кровь.

– Это мы еще посмотрим, – улыбнулась Кора. – Я так просто вам их не отдам.

– Значит, война? – осклабился император.

– Значит, война, ваше величество! – Кора улыбнулась самой очаровательной из своих улыбок.

– И победитель выигрывает желание?

– Ваше желание – обладать мною?

– А ваше?

– Мое – унести от вас ноги!

– Завидная откровенность, – согласился император. – К тому же не одной, а со своими землянами?

– Вам я их не оставляю!

– Что ж, когда начинаем? – Император показал Коре все свои двадцать пять золотых зубов – плод деятельности какого-то местного недоучки.

– Можно сейчас, – сказала Кора. – Только вы мне не мешайте разгадывать преступление.

– А чего вам разгадывать?

– Ой, ваше величество! Вы, видно, ничего не смыслите в криминалистике.

– Не говори глупостей. Я по должности обязан все знать. Я – ведущий физик Нью-Гельвеции, неплохой писатель, выдающийся художник и, разумеется, первый сыщик.

– Но тогда вы должны знать, какое нам досталось преступление.

– Какое?

– Идеальное!

– Ты говори конкретнее, – начал сердиться император, который искренне полагал, что должность способствует развитию талантов.

– Неужели вы не читали? Все детективные писатели мира обязательно написали хотя бы один роман про убийство в запертой комнате, в которую нельзя войти и в которую никто не входил!

– Знаешь что, – сказал тогда Дуагим. – Или ты мне свою мелкую мысль намерена изложить человеческим языком, или я заканчиваю аудиенцию. У меня дел много.

– Ваш дядя был убит в запертой комнате?

– Конечно.

– Запертой изнутри на засов?

– Это всем известно.

– Но засов мог открыть только он сам!

– Вот он и открыл, – сказал император.

– Зачем?

– Чтобы впустить убийцу, – объяснил император. – Впустил, а убийца его убил и ушел.

Типичный случай – так все земляне поступают.

– Замечательно! – Кора даже всплеснула руками от восторга. – Вошел! Убил! Ушел! А как он, простите, запер за собой засов?

Император думал недолго.

– Магнитом, – сообщил он.

– Ну и магнит у него был! – удивилась Кора. – Наверное, засовы-то были крупными?

– Засовы как засовы! Ничего особенного.

– А дверь железная?

– Может, железная. Тебе-то не все равно?

– Нет. Потому что если дверь железная, то магнит не подействует на засов! – Кора смотрела на императора с торжеством дурочки, которой удалось наконец выяснить, что дважды два – четыре.

– Значит, не железная, – быстро сказал император. Он не выносил допросов. Поэтому не смог сдать в жизни ни одного экзамена. Даже не окончил школы. По крайней мере, так полагали диссиденты и оппозиционеры на Нью-Гельвеции.

– Так железная или не железная?

– Отстань. Сама посмотри.

– Ловлю вас на слове! – Кора почти нежно погладила императора по желтому обшлагоу фрака. – Сейчас же бегу в крепость смотреть на дверь. Я так счастлива, так счастлива. Ведь не каждому сыщику удастся распутать идеальное преступление! Тайну запертой комнаты! Мое имя прославится в анналах Галактики!

– Не спеши, – прервал ее император. – Я тебя еще не пустил!

– А как же вы выиграете у меня спор, если я вам не проиграю? – спросила Кора.

– А вот так!

– Ваше величество, – серьезно произнесла Кора. – Вы мужчина и сильный человек. Я – слабая женщина. Неужели вы не умеете играть честно?

– Ну ладно, – вздохнул император. – Иди, смотри башню.

– И чтобы мне все показали.

– Покажут. Я тебе дам хорошего провожатого.

– Спасибо, ваше величество. За мной – поцелуй.

– Я сам возьму у тебя столько поцелуев, сколько сочту нужным, – возразил император. – А сопровождать тебя в башню... – Император подошел к письменному столу и поднял рожок, лежавший на рычажках. Слышно было, как из рожка откликнулся женский голос:

– Что прикажете?

– Гима ко мне.

– Он здесь. Сейчас будет.

И в самом деле, распахнулась дверь, и вбежал молодой человек, одетый столь пышно и изысканно, словно приготовился к детскому маскараду.

Молодой человек ел банан и так спешил, что не успел вынуть его изо рта.

– Доедай, – сказал ему император. – Мы подождем.

Давясь, молодой человек стал поглощать банан, а император обернулся к Коре и сказал:

– Все пользуются моей добротой. Разве вы найдете в Галактике еще одну империю, в которой адъютанты врываются в кабинет монарха, словно в обжорку. Да, именно! Я не побоюсь такого слова – обжорку! В другой империи такого мерзавца давно бы уже выпороли. Да какой там выпороли – ему бы отрезали уши. И голову.

Адъютант Гим от страха не мог доест банан. У него был полон рот банана – шкурка банана раскинулась по щекам и лбу, словно Гим нюхал большой тропический желтый цветок. Черные глаза адъютанта готовы были вылезти из орбит. Лицо стало красным – точно в цвет бархатного мундира, расшитого золотыми узорами, украшенного серебряными аксельбантами и таким множеством медалей и значков, будто Гим был не молодым адъютантом, а престарелым ветераном шести войн.

– Такое неуважение к императору означает, что в решающий момент эти подонки будут готовы всадить ему в спину нож, да, именно нож!

Гим тряс головой, пытаясь возразить, но его никто не слушал. Император схватил стоявшую у стола трость с золотым набалдашником и принялся лупить адъютанта. Тот пытался убежать от гнева монарха, банан вылетел изо рта, и адъютант умудрился поскользнуться на коже, хлопнуться задом на паркет и проехать через весь кабинет, уткнувшись подошвами бисерных башмаков в Кору. Запрокинув несчастное, все в слезах, лицо, адъютант произнес:

– Простите, дама, я не желал вас оскорбить!

Император догнал адъютанта и еще разок ударил его палкой.

– Будешь оскорблять своего любимого монарха? – спросил он.

– Никогда в жизни! – ответил Гим. – Я вообще не буду больше есть бананы. Ненавижу бананы!

Император снова занес палку, Гим сжался, закрываясь тонкой рукой, торчащей из кружевной манжеты.

– Ваше величество, перестаньте, прошу вас, – взмолилась Кора.

Император, словно ждал этих слов, сразу опустил палку и отбросил ее в угол.

– Вставай, бездельник, – приказал он адъютанту, – и благодари госпожу Кору Орват, которая тебя защитила.

– Я не смею! – Адъютант поднялся на ноги и поклонился сначала императору, затем его гостю.

– Будешь верным спутником Коре, – сказал император. – Она будет копать, вынюхивать, гадить нашей империи, потому что она прилетела с ненавистной нам с тобой Земли...

– Воистину!

– Помолчи. Но ты будешь ей помогать и способствовать. Ясно?

– Так точно.

– Сейчас пойдете в башню, где был злодейски убит наш дядя.

– О нет! Я боюсь, – вздрогнул адъютант.

– Вызовешь полковника Аудия Реда. Он вас проведет и все объяснит.

– Но он же в больнице! – сказал Гим.

– Только не его! – воскликнула Кора. – Ведь он меня, наверное, ненавидит.

– Разумеется, ненавидит. А как бы ты отнеслась к человеку, который отстрелил тебе три пальца?

– Я отказываюсь! – Кора топнула ножкой.

– Значит, проиграла?

Кора поглядела на красную рожу императора и подумала, что сделает все от нее зависящее и даже более того, чтобы не допустить его к своему телу.

– Вызывайте своего полковника, кавалер, – сказала она. – Но чтобы мне не мешать.

– Для тебя, моя красавица, не будет закрытых дверей.

Император приблизился к Коре и запечатлел поцелуй на ее обнаженном плече.

– Не спешите, ваше величество, – холодно заявила Кора и, раскачивая бедрами, покинула кабинет императора.

* * *

Изысканно вежливый, надушенный и напوماженный адъютант проводил Кору в вестибюль дворца. Сейчас, отставив ножку, он сообщил: если Кора не возражает, они подождут несколько минут, пока прибудет господин полковник Догони-подвинься.

– Но он же ранен! – Кора все еще пыталась придумать повод отделаться от полковника, но адъютант Гим только отмахнулся.

– Господин полковник уже поправляется, – сказал он. – И не надо его жалеть.

– Почему?

– Потому что он некрасивый, – сообщил ей адъютант и томно вздохнул. Потом добавил: – Я люблю только красивых мужчин.

– И императора? – спросила Кора.

– Император обладает внутренней красотой. Нас связывают духовные узы.

– Все ясно, – сказала Кора. – И долго нам ждать некрасивого полковника?

– Надеюсь, что недолго, – ответил адъютант.

Они спустились по мраморной лестнице, перила которой в знак траура по недавно усопшему императору были перевиты стеблями терновника. С потолка прихожей свисали траурные желтые вымпелы.

Могучие охранники распахнули перед ними двери, и яркое утреннее солнце ударило в лицо. Свежий ветер принес с далеких гор запахи хвои и грибов – на Нью-Гельвеции, к счастью, еще не завершилась промышленная революция. Адъютант остановился на пологой широкой лестнице, которая вела к прямой аллее, обсаженной хвойными деревьями.

– Чего мы ждем? – спросила Кора.

Адъютант ответил не сразу. Он извлек из кармашка в перевязи флакон с благовониями и начал умасливать себя за ушами.

– Почему вы не отвечаете? – спросила Кора.

– Потому что он уже едет, – сказал наконец Гим.

У ворот императорского парка показалась карета «Скорой помощи», влекомая вороными конями. Неприятное предчувствие кольнуло грудь Кору.

Карета «Скорой помощи» плавно остановилась у дворцовой лестницы, и два санитара, соскочившие с запяток, открыли дверь, откуда они вынесли кресло на колесиках. В кресле, облаченный в больничный оранжевый халат, с торчащей вперед, словно пушка, забинтованной и загипсованной ногой, сидел полковник Аудий Ред и глядел на Кору с такой отчаянной собачьей ненавистью, что она непроизвольно спряталась за спину адъютанта Гима, а тот сказал примирительно:

– Аудий, не сердись! Это приказ самого императора.

– Убью, – прорычал полковник.

– А если в самом деле убьет? – спросила Кора у адъютанта.

– Не думаю, – ответил тот, – его величество этого бы не желал.

– Так скажите ему об этом!

– Честно говоря, я его тоже побаиваюсь, – признался адъютант. – Убить не убьет, но искушать может, а потом будет разбираться.

– Нет, – сказала тогда Кора, выходя вперед, – мы от него убежим.

Санитары стояли сзади коляски. Из-под халатов у них выглядывали армейские сапоги.

Кора решила более не полагаться на мужчин.

– Слушай мою команду! – приказала она. – Сейчас мы все вместе отправляемся на место гибели императора Эгуадия. Там мы выслушаем объяснения полковника Аудия Реда. Госпо-

дин император Дуагим желает, чтобы я была ознакомлена со всеми обстоятельствами преступления. Адъютант Гим, чего вы стоите как столб? Где наша машина?

– Лучше помру, – сказал на это полковник, – лучше оторвите мне вторую ногу! Но чтобы я подчинялся этой... этой инопланетной девке, – увольте! Нет, ты подойди ко мне поближе, девка, ты подойди! Я тебя придушу! Слава богам, у меня еще руки остались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.